

собой так сказать стенограмму, расшифровка которой требует слишком специальных знаний, каждый из номеров программы куда в большей степени, чем привычные европейские образцы, представлял собой своего рода хореографический роман, чрезвычайно детализированный в своих сюжетных подробностях и духовно-религиозных обоснованиях и подчиняющийся эстетике, о которой мы в лучшем случае кое-что читали, слышали, но никак не можем сказать, что она стала для нас обиходной.

Нельзя было остаться равнодушным перед поразительным мастерством Риты Дэви, в частности перед ее даром перевоплощения. Она создала ряд ярких, резко отличных друг от друга образов: тут и танец-легенда о Шиве, решившем укротить Ганг, и трагическая фигура женщины-матери, гибнущей ради спасения своего ребенка, и вакханка, в неистовом танце славящая радость любви, и прославление искусства танца (гимн богу Шиве, покровителю танца), и многое другое. Чувствовалось, что перед нами — большая артистка, великолепно владеющая всеми тайнами своего мастерства.

Г. СЕМЕНОВ.

РИТА ДЭВИ

На концерте Риты Дэви, исполнительницы классических индийских танцев, я не мог отделаться от мысли, что у них немало общего со многими известными приемами европейской балетной классики: символика жестов, сложная система условностей, понимание «номера» как связанного рассказа о некоем событии. И в то же время индийский балет — явление глубоко своеобразное: система знаков классического индийского танца представляет

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

23 ИЮЛ 1966